Фатализм связан с ксенофобией.

Образ будущего и конкурентоспособность. Озабоченность жителей страны будущим, персональным, групповым или национальным, коррелирует с уровнем ее экономического развития. По данным исследования Thunderbird School of Global Management о связи конкурентоспособности национальной экономики и ориентации на будущее, лидирующие позиции занимает Сингапур, а России отведены скромные позиции. Это не случайно. Имея видение будущего примерно на 80 лет вперед, Сингапур в то же время обладает одной из самых конкурентоспособных экономик в мире.

Причины сокращения горизонта. На долгосрочном горизонте не работают ни прогнозы, ни альтернативные версии. Работает скорее видение нами желаемого будущего: поставив перед собой цель, мы делаем будущее более предсказуемым благодаря нашим собственным действиям, направленным на ее достижение. Долгосрочный образ будущего в России пока не сложился. Результаты многих исследований показывают одно и то же – в России значительная доля респондентов не только затрудняется строить планы на будущее, но и не может говорить о нем. Ежегодные опросы ВЦИОМ указывают на рост числа россиян,

которые стараются планировать свое будущее на несколько лет вперед. В 2016 году это утверждали о себе 42% опрошенных. Но далеко не всегда им это удается. Регулярные опросы «Левада-центра» по существу подтверждают данные, полученные ВЦИОМ. 89% россиян, согласно левадовскому опросу, свое будущее могут планировать в лучшем случае на год-два. Одна из важнейших причин – респонденты не видят возможности повлиять на положение дел, они предпочитают ждать, пока будущее наступит само. Фатализм, в свою очередь, тесно связан с ксенофобией. В постапокалиптической литературе, довольно популярном сегодня жанре, можно легко найти сцены массовых казней. Это не случайно.

Менеджеры-фаталисты. В экономике, среди руководителей компаний, такое же скептическое отношение к долгосрочным прогнозам. Когда мы опрашивали топ-менеджмент, пытаясь понять, почему они ограничивают свое планирование коротким горизонтом, в первую очередь, мы слышали в ответ о непредсказуемости правил игры и сложной ситуации на рынке. На втором этапе методика была изменена, и оказалось, что самый весомый фактор связан с низким уровнем доверия: как внутри управленческих команд, так и на уровне институциональной структуры общества. Неготовность руководителей брать на себя ответственность за будущее – следствие низкого уровня социального доверия и сотрудничества.

Три выхода из неопределенных обстоятельств. В условиях неопределенности для нас возможны три стратегии. 1. Быть стратегами, то есть смотреть на развитие событий как на шахматную партию и развивать свою дальнозоркость. 2. Второй вариант – быть “детьми”, экспериментировать и быстро извлекать уроки из своего опыта, не имея долгосрочных планов, или постоянно их меняя в зависимости от того, как реагирует окружение. 3. Третий путь – это формирование сети, поддержание диалога о будущем и сохранение других точек зрения рядом с собой.

Глубина горизонта зависит от широты связей. Респонденты с

протяженной временной перспективой характеризуются большей разветвленностью личных контактов и широкой базой социальных категорий, с которыми они сами себя отождествляют. То есть, чем больше у тебя социальных ролей и социальных групп, с которыми ты себя идентифицируешь, тем дальше ты готов заглядывать в будущее. Мы преодолеваем барьер, отгораживающий нас от длинного будущего, через общение с другими людьми, вплетение себя в их замыслы, через постановку совместных целей, совместные мечты и тревоги. А страх перед «чужаками», неготовность связывать свое будущее с разными социальными группами ведет к схлопыванию временного горизонта.

Общество риска: доверие под ударом. Для совместных целей необходимо доверие. Именно оно оказывается сегодня под ударом. Мы живем в обществе риска. По сравнению с мечтами, наши страхи достаточно однородны, они более типичны. Мы мечтаем о разном, а вот боимся одного и того же. Страхи дают возможность быстро нас мобилизовать и объединить. СМИ и обстановка в стране очень сильно влияют на «ядро» этих страхов. Например, в 2016 году в опасениях, которые молодежь связывает с будущим, на первый план вышла угроза войны. Если в 2012 г. респонденты чаще всего называли боязнь социальной несостоятельности (опасения «ничего не добиться»), то теперь страхи поменялись местами.

Фатализм и ядерная война. В ходе исследований нам удалось выявить характерный синдром «сторонника радикальных мер». Какие люди допускают применение ядерного оружия? Этим респондентам свойственны достаточно низкий уровень доверия к людям и к социальным институтам, негативное отношение к собственному прошлому и вера в то, что судьба предопределена. Почему, на мой взгляд, это должно вызывать тревогу? Это служит благодатной почвой для оправдания радикальных социально-политических решений. Речь может идти не только о ядерном оружии, но о любых радикальных мерах, которые в условиях кризиса дадут политической силе большую популярность. В однородных популистских коллективах, сужаются и обедняются контакты, резко подскакивает конформность и возрастает риск

ошибки первых лиц. Здесь сокращен доступ к разнообразной информации, которая могла бы опровергнуть наши собственные версии.

Будущее симметрично прошлому. В строении психологического времени человека был обнаружен еще один важный фактор. Оказывается, управленческие команды, считающие себя способными влиять на коллективное будущее, отличается позитивной оценкой прошлого. Они способны опереться на свое прошлое, как на что-то ценное, приносящее радость и уверенность. Этот механизм работает и на управленческих командах, и на уровне больших социальных групп. Можно сказать, что расширение временной перспективы, как правило, направлено в обе стороны. Не работая с ретроспективой, невозможно стабильно удерживать долгосрочную ориентацию.

Фактор рефлексии и «память о будущем». При формировании долгосрочной ориентации наряду с мечтой и доверием друг к другу, огромную роль играет рефлексивность. Наши исследования в управленческих командах показывают, что лидер, обладающий очень ярким, харизматичным видением будущего, одновременно и мотивирует, и ослепляет свою команду. Очень важно, чтобы не прекращались рефлексия и диалог о различных вариантах развития событий. Разрабатывая решения, не только лидер, но и команда должны помнить о многовариантности будущего. Удерживая будущее в горизонте своего сознания, мы храним «память о будущем». Психологически важно ее целенаправленно развивать, вызывая положительный образ будущего. Как оказалось, одни и те же центры человеческого мозга отвечают за автобиографическую память и воображение будущего.

Вопрос о коллективной рефлексивности. В коллективном пространстве воображения россиян мы не находим картинок, связанных с будущим. Респонденты на фокус-группах не могут сформулировать ничего внятного насчет будущего страны. Один из центральных вопросов – каким образом можно создать публичные пространства, которые объединяли бы нас в стратегическом диалоге, где мы могли бы постоянно повышать рефлексивность

нашего общества – прежде всего по отношению к уже очевидным вызовам и слабым пока сигналам приближающихся перемен. И что очень важно – вместе конструировать образ позитивного будущего. В обществе, где такое низкое социальное доверие и так невысока вера в свою способность влиять на ситуацию, нас неизбежно будут объединять коллективные страхи, а не позитивный образ будущего. Мы все время запускаем самосбывающиеся пророчества и, к сожалению, не всегда позитивные. Самым большим вызовом могут стать сообщества, включенные в виртуальные миры, получающие все больше возможностей влиять друг на друга. Например, происходящее сейчас с глобальным терроризмом – это самосбывающееся пророчество.

От планирования к стратегическому диалогу. По существу, модель будущего теперь сетевая. Происходящий сегодня переход к Индустрии 4.0 сильно отличается от индустриализации образца XX века: вместо вертикальных коммуникаций требуется готовность строить горизонтальные связи; вместо утвержденных сверху рабочих групп с четкими границами «свой» – «чужой» приходится управлять множеством сетей и сообществ в глобальных масштабах. На смену проектному подходу приходит диалогический. Чтобы получить дерево целей и управлять рисками, нужно опираться на социальный интеллект, увязывая друг с другом множество заинтересованных сторон.

Мечта для России. Российское общество очень нуждается в идеалах и мечтах. Это представления о желательных для нас событиях, которые не предполагают немедленной и полной реализации, а также представления о принципиально недостижимом, но нужном для нас развитии событий. Делясь мечтами друг с другом, мы укрепляем отношения, формируем общность ценностей и чувство коллективной судьбы. Чтобы такие идеалы и мечты появились, они должны публично обсуждаться. Долгосрочные цели длиной в одно-два поколения невозможно поставить и реализовать в обществе, где нет пространства для обсуждения.

Как сформировать идеологию будущего. Идеология будущего уже невозможна сверху. Она может родиться через совместное конструирование, в которое втягивается множество разных сторон. Здесь всегда есть риск ускользнуть в ту картинку, которую рисует яркий харизматический лидер, а она будет ослепляющей. Значимое отличие статусных групп от низкостатусных — способность влиять на будущее, способность управлять временем. Более того, в эпоху постмодерна сама способность быть инициатором какой-то картинки будущего как раз и является властью. Но условием выживания и развития в эпоху постмодерна оказывается способность сохранить сложность, способность не соскользнуть в упрощение и радикальные решения. А ведь именно их от нас будут постоянно ждать.